

Обман в психологии: моральный ущерб и польза*

Введение

Исследователи иногда обманывают участников психологических экспериментов на методологических основаниях. Исследуемые могут быть введены в заблуждение в отношении цели, замысла и установок экспериментов. Допустим ли с этической точки зрения методологический обман? Многие авторы настаивают на том, что обман недопустим и что существующие этические кодексы профессиональных ассоциаций, позволяющие использовать обман как метод, необходимо пересмотреть (Kelman, 1967; Bok, 1999; Clarke, 1999; Herrera, 1999; Pittinger, 2003). Существует два основных возражения против методологического обмана, связанные с риском причинить психологический вред участникам исследований и нарушить их автономию.

Мы полагаем, что оба возражения не убедительны: методы обмана можно использовать в психологических экспериментах, не причиняя значительный вред и не нарушая автономию. Более того, мы считаем, что есть моральные основания, чтобы применять методологический обман. Методы обмана, по-видимому, являются единственным средством (по крайней мере, в настоящее время), при помощи которого как отдельные люди, так и общество могут получать важную информацию о некоторых психологических склонностях. Во-первых, подобная информация может представлять большую ценность для общества. Знание о склонностях к дискриминации, например, может быть использовано для построения более эффективного

---

* *Bortolotti L., Mameli M. Deception in psychology: moral costs and benefits of un sought self-knowledge // Accountability in Research. Taylor & Francis, 2006. P. 259–275.*

и справедливого общества. Во-вторых, поскольку участники исследований заинтересованы в тренировке своей способности быть автономными агентами, принимая решения, и в соответствующем контроле своего поведения, они также заинтересованы в том, чтобы узнать о своих бессознательных психологических наклонностях, даже если подобная информация в некоторых обстоятельствах может стать причиной незначительного стресса. Итак, потенциальные положительные преимущества экспериментальных результатов, которые в настоящее время могут быть добыты только при помощи методологического обмана, можно охарактеризовать в терминах двух типов знания, значимого с этической точки зрения: индивидуальное самопознание, полученное участниками исследований, и коллективное самопознание, приобретенное обществом. Мы принимаем во внимание разнообразие интересов людей, желающих принять участие в исследовании. В перспективе, согласно которой личностное развитие связано с обретением самопознания, использование обмана в экспериментальной психологии может способствовать проявлению автономии.

В первой части мы кратко представляем методологические доводы за и против использования обмана в психологическом исследовании. Во второй части мы обсуждаем и отвергаем некоторые этические аргументы против методологического обмана. В третьей части мы поддерживаем этическое значение информации, полученной при помощи использования обмана. Мы иллюстрируем эту точку зрения при помощи примера — эксперимента социальной психологии с использованием метода обмана, чтобы выявить предрассудки при найме на работу.

Методологические аргументы

Обычно задача методов обмана, применяемых в психологии — гарантировать, что участникам исследования не известно, какой аспект их психологии изучается и каким образом. Что касается основной цели обмана в эксперименте, то его часто используют, чтобы избежать так называемого «эффекта Хоторна» — предрасположенности участников исследования вести себя в соответствии с тем, что хочет, по их представлениям, от эксперимента исследователь (Gillespie, 1991). Между тем в социальной психологии, где нередко объектом исследования является форма нежелательного поведения, часто имеет место противоположный эффект. Например, когда участники иссле-

дования знают о том, что объектом эксперимента является агрессивное поведение, они, как правило, воздерживаются от агрессии во время эксперимента. Социальные психологи используют обман, чтобы устранить этот эффект.

Психологическое свидетельство предполагает, что достоверные данные о том, как люди ведут себя в определенных ситуациях, нельзя получить, просто спрашивая их о том, как они вели себя или будут вести себя в этих ситуациях. Люди нередко заблуждаются относительно своих поведенческих склонностей, и манеру, в которой они себя описывают или представляют свое самоописание на основании фактов, часто подстраивают (сознательно или бессознательно) под свое желание соответствовать определенным параметрам (Nisbett and Ross, 1980; Aronson, 1999). Предположим, что некто изучает альтруистическое поведение. То, что люди говорят о своих действиях, описывая, как они могли бы быть полезными окружающим, может быть плохим руководством относительно их истинных действий в подобных обстоятельствах. Бывает множество экспериментальных ситуаций, где в определенный момент обман необходим с методологической точки зрения для получения надежных результатов¹.

Как полагают некоторые исследователи, широкое распространение обмана при проведении психологических исследований, возможно, методологически обречено на провал. Так, если обман использовался бы в большинстве психологических экспериментов и если потенциальные участники экспериментов знали бы об этом, любой эксперимент вызывал бы у испытуемых подозрение. Участники экспериментов пытались бы предугадывать исследователя, и это обстоятельство превращало бы результаты экспериментов в материал, трудный для интерпретации. Было бы сложно установить, отражают ли наблюдаемые результаты образ действий, свойственный людям, или они передают образ действий, к которому люди прибегают, пытаясь предугадать исследователя. Кельман (Kelman, 1967) предупреждал о такой возможности в то время, когда использование обмана не было столь тщательно отлажено, как сегодня. Но отчасти благодаря ограничениям, наложенным профессиональными кодексами на применение обмана, только в некоторых экспериментах, осуществляемых психологами, изучающими поведение человека, используется обман. Вследствие этого опасность, что обман обречен на провал, сегодня невелика.

Против методологического обмана

Этические нормы Американской психологической ассоциации (АПА) и Английского психологического общества (АПО) допускают использование методов обмана в психологических экспериментах, но они также накладывают ограничения на использование этих методов и требуют, чтобы в случаях их применения соблюдались определенные условия. Хотя между этими кодексами есть различия, и тот и другой настаивают на том, чтобы обман использовался только в тех случаях, когда нет иных эффективных способов получения желаемых экспериментальных результатов, если предполагается, что возможные результаты имеют важное значение, и если участникам исследования не будет причинен физический ущерб или сильный стресс. Эти кодексы также требуют, чтобы участники исследований имели право прекратить участие в эксперименте в любое время, и исследователь давал отчет участникам эксперимента так скоро, как это возможно и в самой подробной форме, предоставляя им всю относящуюся к эксперименту информацию о структуре, целях и значении эксперимента (ср.: APA Ethical Principles of Psychologists and Code of conduct, 2002, article 8.07 и BPS Ethical Principles for Conducting Research with Human Participants, 1992).

Несмотря на многие сложности, установленные этими профессиональными кодексами в отношении использования обмана, некоторые комментаторы полагают, что участники исследований недостаточно защищены от вреда, причиняемого обманом и, следовательно, что кодексы следует пересмотреть. Например, Ортман и Хертвиг (Ortmann and Hertwig, 1997) выступают за полный запрет на использование обмана в психологических экспериментах (ср.: Pittinger, 2002). В этом разделе мы дадим оценку наиболее значительным этическим аргументам против использования обмана в психологии.

Вред

Споры относительно того, допустимо ли использование обмана в психологии, с точки зрения методологии часто вращаются вокруг потенциального вреда, который может нанести обман. Наиболее цитируемый пример – эксперимент, который проводил Стэнли Милгрэм (Milgram), изучая склонность людей подчиняться начальству (Milgram, 1974).

В одной из версии этого эксперимента исследуемых набирали с тем условием, что они будут участвовать в исследовании памяти и того, как наказание действует на обучение. В лаборатории каждому участнику исследования сообщали, что он должен играть роль «учителя», а другой участник, присутствующий в комнате, играл роль «ученика». Настоящий участник эксперимента не знал, что «ученик» был в действительности партнером исследователя. В обязанности «учителя» входило задавать вопросы «ученику» и, когда тот ошибался, подавать электрический разряд, постепенно нарастающей мощности, пользуясь простым электрическим устройством. Участник исследования также не знал, что в действительности «ученик» не подвергается удару электрического разряда. Демонстрация страданий «ученика» была пропорциональна силе электрического разряда, которым, как предполагалось, управлял участник исследования. Когда страдания «ученика» становились достаточно сильными, участники эксперимента проявляли беспокойство относительно того, что происходит с «учеником» (как они думали). Многие из них просили исследователя прекратить эксперимент. В ответ на эти просьбы исследователь требовал послушания, настаивая на том, что для «учителя» очень важно следовать в точности инструкции. В конце концов, 65% подвергали «ученика» электрическому разряду наибольшей мощности (как они полагали), несмотря на мольбы «ученика» не делать этого.

Сегодня многие комментаторы считают эксперимент Милгрэма хрестоматийным примером неэтичного применения обмана в психологическом исследовании. Участники исследования были введены в заблуждение в отношении цели и способа проведения эксперимента и относительно роли других испытуемых. Более того, их просили следовать инструкциям, несмотря на то, что они выказывали обеспокоенность. Участники исследования получили разъяснение эксперимента (хотя в то время этот отчет не являлся требованием профессиональных этических кодексов), но после ознакомления с ним испытуемые должны были принять тот факт, что они могут причинить значительную боль другому человеку, находясь под влиянием руководителя.

Эксперимент Милгрэма часто рассматривают как причинение значительного психологического вреда участникам исследования. Однако значительность в действительности нанесенного вреда остается под вопросом. Элмс (Elms, 1982), который работал за кулисами эксперимента и интервьюировал исследуемых, когда они уже имели опыт участия в эксперименте, утверждает, что испытуемые страдали значительно меньше, чем он ожидал, будучи свидетелем их реакций во время проведения эксперимента. По его словам, этот опыт был

для них стрессом, но не большим, чем стресс от вовлекающего в эмоциональное переживание фильма или неудачное собеседование при устройстве на работу. Но прав ли Элмс? Причинил ли этот эксперимент участникам исследования значительный психологический вред, имеющий длительное действие, — вопрос эмпирический, вопрос, на который невозможно ответить, обращаясь к ненадежной интуиции или случайным наблюдениям. И все-таки, по-видимому, бывает много случаев, когда эксперименты с применением обмана не вызывают дискомфорт и не наносят вред участникам эксперимента (Kimmel, 1998).

Разумно считать, что если психологический вред, причиняемый участнику исследования, выходит за определенные рамки, тогда этот эксперимент недопустим, независимо от того, насколько значительными будут блага, которые он принесет обществу. Когда граница нарушена, эксперимент становится несправедливым поступком по отношению к участнику исследования. Так можно решить, проводить ли эксперимент, включающий обман, пользуясь следующей процедурой. Первый шаг: вопрос о том, насколько вероятно, что эксперимент нанесет значительный психологический вред участнику исследования. Если это вероятно, то эксперимент недопустим с моральной точки зрения. Если нет, то следует задаться вопросом: перевешивает ли причиняемый участнику исследования вред (если он вообще будет причинен) потенциальные выгоды, которые принесет исследование. Только в том случае, если выгоды будут более значительными, эксперимент оправдан. По-видимому, эта идея имплицитно присутствует в профессиональных этических кодексах и, вероятно, эксперименты, проводимые в соответствии с требованиями этих кодексов, не наносят значительного вреда участникам исследований.

Автономия

Другой распространенный аргумент против использования методологического обмана основан на том, что исследователь нарушает личностную автономию участников исследований, обманывая их, в то время как принцип автономии никогда не должен нарушаться. Недоговаривая или обманывая участников исследования относительно истинной цели или структуры эксперимента, исследователи вовлекают испытуемых в действия, на которые они не давали согласия.

Очевидно, можно отвергнуть то мнение, что принципом автономии никогда нельзя пренебрегать. Но идея состоит в том, что хотя индивидуальная автономия является ценностью, она может быть нарушена, когда польза, извлекаемая из ее нарушения, больше, с моральной точки зрения, для личности или для общества, чем сохранение индивидуальной автономии. Так метод обмана может считаться допустимым с моральной точки зрения, в том случае, когда он используется ради морально значимого результата. Подобная позиция довольно привлекательна, но она приводит к сложным вопросам о том, что должны обществу участники исследований, будучи частными людьми, и кто должен принимать решение о том, какие результаты более ценны (если такие результаты вообще могут быть), чем сохранение автономии личности. Однако мы будем искать способы, где можно использовать методологический обман, не ставя под угрозу автономию участников исследования. Использование обмана в исследовании не обязательно несовместимо с тем мнением, что автономия личности никогда не должна нарушаться.

Общепространное мнение заключается в том, что для соблюдения автономии участник исследования должен дать информированное согласие. Метод обмана требует, чтобы исследуемый оставался в неведении относительно эксперимента или не знал важных деталей исследования, в котором он принимает участие. Если методы обмана и информированное согласие несовместимы, требование соблюдать уважение к автономии личности не может быть удовлетворено при использовании методов обмана². Но, возможно, существуют формы информированного согласия, которые можно согласовать с использованием методов обмана в психологическом исследовании.

В биомедицине встречаются ситуации, когда потенциальный участник исследования не может ни дать согласие, ни отказаться от участия в определенном эксперименте. Так случается, когда субъект исследования находится без сознания или в критическом состоянии. В этих ситуациях возможно получить согласие за участника эксперимента у его законного представителя или близкого родственника после того, как будет предоставлена информация обо всех важных деталях исследовательского протокола. Это форма непрямого информированного согласия или информированное согласие по доверенности. Некоторые авторы полагают, что методы обмана не нарушают автономию участников исследования, если было получено не прямое информированное согласие.

Кларк (Clarke, 1999) предлагает следующий сценарий. Если человек должен участвовать в психологическом эксперименте, но вследствие характера эксперимента не может получить всю необходимую информацию об исследовании, то он называет доверенного человека, которому предоставляется вся необходимая информация об эксперименте. Этот человек решает, приемлемо ли его доверителю участвовать в эксперименте, и дает информированное согласие или отказывает от имени участника исследования. Если согласие получено, то использование методов обмана не будет нарушением автономии участника исследования. Пэтри (Patry, 2001) высказывает ту же точку зрения. Этот подход, даже если он и не эквивалентен запрету методов обмана в психологии, требует радикального изменения существующих кодексов и практики.

Мы отдаем предпочтение более умеренной альтернативе – ввести требование сообщать участникам исследования с самого начала о том, что информация о цели, исполнении или установках эксперимента, предоставляемая им, может быть частично неверной. Многие этические комитеты уже требуют, чтобы участники исследований давали согласие, понимая, что они могут быть введены в заблуждение, и это соответствует духу, но не букве, существующих норм.

Этический кодекс АПА (2002) требует, чтобы участники исследований имели право в любой момент выйти из эксперимента и чтобы в конце эксперимента они получали отчет и были ознакомлены со всей информацией, которая была скрыта от них, включая информацию о способах, которыми они были введены в заблуждение, целях, ради которых они были обмануты и о значении ожидаемых результатов. Но в нынешней формулировке Кодекса АПА явно не обозначено, что исследователи с самого начала информируют участников исследования о возможности обмана. Кодекс лишь поощряет психологов «разъяснять участникам исследований любой обман, который является неотъемлемой частью организации и проведения эксперимента в наиболее короткие сроки, желательно сразу после завершения их участия в эксперименте, но не позже окончания сбора данных, и предоставить участникам исследований возможность изъять данные, полученные с их помощью».

Если исследователи включают в форму соглашения пункт о том, что определенная информация об устройстве и проведении эксперимента может быть скрыта до момента отчета, или что некоторая информация, предоставленная в самом начале, позже может оказаться ложной, то участники исследования предупреждены о возможности использования методов обмана и сохраняют контроль во время учас-

тия в эксперименте. При такой процедуре первичное согласие, данное участниками исследования, условно по отношению к их новому согласию, которое они дают в момент получения отчета, имея право не разрешить использовать их данные. Автономия участников исследования, следовательно, не нарушается.

Согласно Кларку и Пэтри, стандарты, применимые к биомедицинским исследованиям, должны действовать и в отношении исследований психологических. Это одна из причин, по которой они предлагают получать информированное согласие через доверенное лицо. Но в биомедицине эта процедура соглашения используется только в тех случаях, когда участник исследования не может принимать решения самостоятельно. Эта процедура неприменима к исследуемым, участвующим в психологическом эксперименте с использованием обмана. Процедура соглашения, которой мы отдаем предпочтение, устанавливает важную аналогию с ситуацией в биомедицине. До клинических исследований участники получают детальную информацию о целях исследования и рисках, которым они подвергаются, принимая в нем участие, но им не сообщают о том, получают ли они предполагаемое лечение или плацебо. Очевидно, что даже в биомедицине от участников исследования скрывается важная информация. Если они соглашаются, понимая, что эта информация будет от них скрыта, это обстоятельство уже не нарушает их автономии. То же самое правило действует в отношении участников исследования в психологических экспериментах с применением обмана.

Моральное разрушение

Как полагает Элмс (Elms, 1982) исследователи-психологи могут морально пострадать в результате использования стратегий обмана, и информирование общества о существовании таких стратегий в целом может разрушить общественное доверие к исследованиям. С этой точки зрения в дальнейшем последствием широкого распространения методов обмана может стать разочарование общества в психологах, в частности, и в ученых — в целом. Если доверительные отношения между потенциальными участниками исследований и исследователями систематически нарушаются, исследователи могут получить дурную репутацию у широкой публики и число людей, желающих принять участие в психологическом эксперименте — или желающих поддерживать их — может сократиться (Lawson, 2001).

Данное возражение против использования обмана не очень убедительно. Риск, что исследователи станут безнравственны в результате использования стратегии обмана, невелик, если их намерение обманывать держится только на методологическом основании. В отличие от других форм человеческого обмана, исследователи не мотивированы желанием обманывать или добиваться незаслуженного преимущества над кем-либо, а также не намерены причинять кому-либо вред. Исключительно методологическая функция обмана в психологии делает маловероятным, что его использование окажет негативное влияние на личности исследователей.

Риск, что психология приобретет дурное имя вследствие применения обмана, также невелик, если исследования проводятся в соответствии с рекомендациями, изложенными в практических руководствах. Поскольку люди в целом и участники психологических экспериментов в частности понимают, что обман — лишь необходимый методологический инструмент, а не проявление какого-то дурного желания исследователя, т.к. этот методологический инструмент используется только в том случае, когда нет риска причинить значительный психологический вред исследуемым и когда результаты эксперимента стоят этого, вероятно, в отношении исследователей не возникает чувство недоверия.

Аргументы в пользу метода обмана

Использование методов обмана во многих случаях является решающим для идентификации поведенческих склонностей, отрицательно влияющих на человека, имеющего такие склонности, людей, которые общаются с таким человеком, и на общество в целом. Знание о существовании таких склонностей, о том, как их выявлять и о том, как они действуют, можно, безусловно, использовать во благо. Теперь мы хотели бы дать более полный обзор видов моральных выгод, которые может дать такое знание. Мы начнем с примера.

Дискриминация при найме на работу

Исследование предубеждений и пристрастий к людям некоторых рас, пола, возраста, сексуальной ориентации или внешнего вида может помочь вскрыть те аспекты человеческого поведения, которые становятся причиной незаслуженной дискриминации. Как отдель-

ные люди, так и общество могут попытаться контролировать или изменить эти черты поведения. Методы обмана могут быть очень эффективны в этой сфере. Примером может служить изучение дискриминации на рынке труда. Так Пингитор (Pingitore et al., 1994) разработал и провел эксперимент, чтобы установить существование предубеждений, порождающих дискриминацию полных людей во время проведения собеседований при приеме на работу.

Студентам-психологам первых курсов были показаны видеокассеты с инсценировкой собеседования при приеме на работу. В роли кандидатов-соискателей выступали два профессиональных актера — мужчина и женщина. Независимыми переменными были вес псевдокандидатов на работу и тип работы, ради получения которой они проходили интервью. У актеров был нормальный вес, но на некоторых из видеокассет они были представлены умеренно тучными при помощи грима и театральных накладок. В качестве вакансий были выбраны — позиция торгового представителя, подразумевающая контакты с людьми, и вакансия системного аналитика, подразумевающая ограниченные контакты с людьми. Игра актеров была построена так, чтобы показать, что оба кандидата обладают одинаковыми средними способностями. В задачу участников исследования входило чтение описаний работы и биографий кандидатов, просмотр видеозаписей интервью и оценка кандидатов. Пингитор и его коллеги обнаружили заметное предубеждения против найма на работу кандидатов с избытком веса, в особенности это касалось кандидатов женского пола. В этом исследовании использовался методологический обман. Так студентам не сообщили, что они участвуют в исследовании дискриминации страдающих избытком веса кандидатов при устройстве на работу. Они также не знали, что показанное им интервью было инсценировкой.

Дискриминация при найме на работу несправедлива и дорого обходится обществу. Знание ее причин может стать инструментом, который позволит избежать или скорректировать эту практику. Это пример того, о чем говорит Саксэ, когда он утверждает, что «в случае исследований с использованием обмана... ложь позволяет проводить качественное исследование, которое потенциально служит общественному благу» (Saxe, 1991, 414). Предубеждение против тучных кандидатов наносит им вред, поскольку дает несправедливое преимущество в пользу кандидатов с нормальным весом, наносит вред компаниям, т.к. работодатели принимают на работу менее компетентных людей, хотя и обладающих нормальным весом, вместо людей тучных, но более компетентных, и наносит вред обществу в целом. Работода-

тели, знающие о существовании такого предубеждения, смогут избежать его проявления и защитить интересы кандидатов с избытком веса, интересы своей компании и общества. Они могли бы усовершенствовать эффективность процесса найма на работу и улучшить перспективу успеха своей компании, одновременно делая позитивный вклад в пользу социальной справедливости. Более того, знание предубеждений послужит созданию антидискриминационного законодательства и других корректирующих механизмов.

Участники исследований – члены общества. Таким образом, знание поведенческих наклонностей, полученное при помощи использования методов обмана, принося благо обществу в широком смысле слова, также приносит благо и участникам исследований. Но существует и более прямой путь, позволяющий обманутым испытуемым получать пользу, участвуя в эксперименте. Во время эксперимента, или, что более вероятно, во время отчета, (когда участник исследования узнает о цели и организации эксперимента) испытуемый получает важную информацию о собственных поведенческих склонностях. Эта информация может помочь лучше контролировать поведение и, следовательно, лучше использовать автономию. Так, в момент отчета участники исследований узнают информацию о собственных склонностях и становятся более подготовленными к автономному поведению в контексте принятия решений при найме на работу.

Иными словами, потенциальные выгоды экспериментальных результатов, приобретаемых при помощи методологического обмана, могут быть охарактеризованы в терминах двух типов морально значимого знания – индивидуальное самопознание, приобретенное участниками исследований, и коллективное самопознание, полученное обществом. Но какова цена за приобретение этого знания, которую платят участники исследований? Согласно Кларку: «Многие участники исследования повиновения, проводимого Милгрэмом, обнаружили нечто неожиданное для самих себя, что они значительно более послушны руководителям, чем могли предположить. Хотя иногда польза, которую люди могут извлечь, получая такую информацию о себе, может быть продолжительной, такое самопознание нередко бывает скорее вредным, чем полезным. Исследуемые, которые сделали неожиданные и непредвиденные открытия самих себя, могут занизить свою самооценку и подвержены другим негативным чувствам» (Clarke, 1999, p. 154).

Приобретение знаний о склонностях к дискриминации может вызвать неприятные чувства. Как мы уже говорили во второй части, если эксперимент может привести к нанесению значительного пси-

психологического вреда, его не следует проводить — и сюда входят те случаи, когда вред возникает из самопознания, приобретаемого участниками во время эксперимента и отчета. Если же нет значительного вреда, тогда стремление избежать умеренный стресс, возникающий из знания поведенческих склонностей, следует сравнить с иными морально значимыми интересами³. Например, утверждение, что стремление людей не сталкиваться с умеренным стрессом, возникающим вследствие получения информации об их склонностях к дискриминации, важнее с моральной точки зрения, чем предпочтения, установленные самими практиками дискриминации, не вызывает доверия. Этическое значение пользы, которую получили бы участники исследования, оставаясь в неведении о дискриминационных наклонностях, о существовании которых они даже не знают, противопоставляется этической значимости пользы, которую участники исследований и общество в целом извлекают, узнав об этих склонностях. В итоге, по-видимому, получение достоверной информации о склонностях, порождающих дискриминационную практику, значительно более важно с моральной точки зрения, чем удержание участников исследований от переживания умеренного стресса.

Теперь мы можем сконцентрировать внимание на положительном результате, который принесет участникам исследований личное самопознание.

Поддержка автономии

Мы утверждали, что, узнавая о своих склонностях, участвуя в психологических экспериментах, исследуемые могут улучшить контроль за своим автономным выбором и сделать шаг, чтобы ограничить воздействие психологических склонностей на их решения и поведение.

Один из доводов тех, кто хотел бы запретить использование обмана в психологическом исследовании, состоит в том, что, не информируя полностью участников о природе и цели эксперимента, исследователи нарушают автономию исследуемых. Но во второй части мы выступили за то, что личная автономия участников может быть адекватно защищена в психологическом исследовании. Если участники предупреждены о возможном использовании обмана, могут выйти из эксперимента в любое время и обеспечены тщательным и содержательным разъяснением эксперимента, их автономия не нарушается в морально значимом отношении, поскольку они контролируют свое

участие в исследовании. Таким образом, принцип уважения личной автономии соблюдается, когда в психологических экспериментах (в крайних случаях) используется обман.

Не только надлежащим образом проведенное психологическое исследование соблюдает автономию его участников. Оно может укрепить их автономию. Знакомство с результатами эксперимента, посвященного, например, наклонностям к дискриминации, влияющим на практику найма, вероятно, должно улучшить участников эксперимента, предоставляя им хорошие средства, чтобы начать саморефлективное упражнение о предпосылках принятых ими решений и обосновании избранных ими критериев выбора. Это рефлективное упражнение может повлиять на развитие стратегий поведения, способных в будущем улучшить возможности исследуемых как личностей, способных принимать решения. Поскольку все это можно обобщить, знание психологических склонностей, полученное при помощи экспериментов с использованием обмана, может внести вклад в поддержку не только автономии участников исследований, но также и в поддержку автономии других членов общества.

Поддержка автономии, по-видимому, не только предлагает людям возможность принимать собственные решения, но также и гарантирует, что те из них, кто обладает этой возможностью, знакомы с существующими факторам, оказывающими влияние на их решения. В наиболее авторитетных описаниях автономии автономному агенту, принимающему решение, приписывается больше, чем просто способность к независимому мышлению и действию. Автономия включает в себя способность агентов быстро реагировать на широкий спектр доводов за и против того образа действия, которого они придерживаются (Wolf, 1990), и только те агенты, которые могут менять свои решения, когда они находят убедительный аргумент для того, чтобы это сделать, могут считаться в действительности автономными (Dworkin, 1988). Если непредвиденное самопознание способствует тому, что участники исследований узнали о некоторых своих поведенческих склонностях (например, о том факте, что, принимая решение о найме, на них оказывает влияние вопрос — обладает ли кандидат избытком веса), это также дает им возможность проследить основание своих решений в свете других своих убеждений и ценностей.

Философская концепция автономии как ответственности за доводы, детерминирующие поступки, отражена во многих социальных практиках. Наше общество уже приняло ту точку зрения, что люди должны подвергаться потенциально отрицательному опыту, если это необходимо для получения ценных результатов. Образование — за-

метный пример. Хотя оно не использует вызывающие стресс испытания и, в особенности, испытания, которые потенциально способствуют занижению самооценки, оно также поддерживает процесс нахождения нового вовне и внутри себя, который, в конечном итоге, дает людям возможность взять на себя роль граждан и моральных агентов и получать блага, связанные с полноценным участием в общественной жизни.

Вывод

Рассмотрев наиболее значительные аргументы против использования методологического обмана в психологическом исследовании и разлив некоторые аргументы в его пользу, мы пришли к выводу, что, при соблюдении определенных условий, применение методологического обмана морально допустимо.

Основные аргументы против методов обмана сводятся к тому, что обман может причинить вред участникам исследований и нарушить их личную автономию. Нынешние профессиональные кодексы этики составлены так, чтобы не допускать психологические эксперименты с применением обмана в тех случаях, когда есть вероятность, что они причинят серьезный психологический вред участникам исследований. Эксперименты, проводимые в соответствии с существующими нормами, могут в некоторых обстоятельствах стать причиной умеренного стресса, но мы полагаем, что сама по себе возможность такого стресса не показывает, что эксперименты морально не допустимы. Допустимы ли эти эксперименты, зависит от моральной значимости других интересов, на которые было бы оказано отрицательное воздействие, если бы эти эксперименты не проводить.

Мы считаем, что ограниченное использование обмана в психологическом исследовании не обязательно нарушает автономию участников исследования. Если участники исследований предупреждены о том факте, что часть информации об эксперименте, которая предоставлена изначально, может быть неверной или неполной, и о том, что участники обладают возможностью безнаказанно выйти из эксперимента в любое время, то они контролируют свое участие в исследовании и их автономия не нарушается.

Методологический обман может быть использован для того, чтобы получить надежные результаты в важных направлениях исследований, таких как дискриминация на рынке труда. В этих случаях можно найти моральные доводы в пользу проведения экспериментов с

использованием методов обмана — это позитивные последствия, которые могут произвести на участников исследований экспериментальные результаты (через обретения личного самопознания) и на общество в целом (через обретение коллективного самопознания). Делая известными поведенческие предрасположенности, которые приводят к возникновению, скажем, дискриминации, социальные психологи могут помочь обществу найти способы, чтобы избежать несправедливость. Они могут помочь людям лучше контролировать свою способность принимать автономные решения и свое поведения, имея возможность оценить причины, которые стоят за их выборами. Этот тип самопознания может внести вклад в поддержку использования автономии. В настоящее время использование методов обмана — единственный эффективный способ получения такого типа самопознания в некоторых быстро изменяющихся ситуациях. Если появятся альтернативные и столь же эффективные методы исследований, этическая допустимость ограниченного использования обмана должна быть пересмотрена.

Литература

- Aronson E.* Dissonance, Hypocrisy and the Self-Concept // *Cognitive Dissonance*. Washington (D.C.), 1999. P. 103–126.
- Bok S.* Lying: Moral Choice in Public and Private Life. N. Y.: Vintage. British Psychological Society, 1999.
- Ethical Principles for Conducting Research with Human Participants, <http://www.bps.org.uk/the-society/ethics-rules-chartercode-of-conduct>. Accessed 24 September, 2005.
- Clarke S.* Justifying deception in social science research // *J. of Applied Philosophy*. 1999. № 16. P. 151–166.
- Dworkin G.* The Theory and Practice of Autonomy. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1988.
- Elms A.* Keeping deception honest: Justifying conditions for social scientific research stratagems // *Ethical Issues in Social Science*. Baltimore: John Hopkins Univ. Press, 1982. P. 232–245.
- Gillespie R.* Manufacturing Knowledge: A history of the Hawthorne Experiments. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.
- Kelman H.* Human use of human subjects: The problem of deception in social psychological experiments // *Psychological Bulletin*. 1967. № 67. P. 1–11.
- Kimmel A.* Ethical trends in marketing and psychological research // *Ethics & Behavior*. 2001. № 11. P. 131–149.
- Herrera C.* Two arguments for covert methods in social research // *British J. of Sociology*. 1999. № 50. P. 331–343.

- Lawson E.* Informational and relational meanings of deception: Implications for deception methods in research // *Ethics & Behavior*. 2001. № 11. P. 115–130.
- Milgram S.* *Obedience to Authority*. N. Y.: Harper & Row, 1974.
- Nisbett R., Ross L.* *Human Inference*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1980.
- O'Neill O.* Some limits of informed consent // *J. of Medical Ethics*. 2003. № 29. P. 4–7.
- Ortmann A., Hertwig R.* Is deception acceptable? // *American Psychologist*. 1997. № 52. P. 746–747.
- Patry P.* Informed consent and deception in psychological research, criterion. 2001. № 14. P. 34–38.
- Pingitore R., Dugoni B., Tindale S., Spring B.* Bias against overweight job applicants in a simulated employment interview // *J. of Applied Psychology*. 1994. № 79. P. 909–917.
- Pittinger D.* Deception in research: Distinctions and solutions from the perspectives of utilitarianism // *Ethics & Behavior*. 2002. № 12. P. 117–142.
- Saxe L.* Lying: Thoughts of an applied social psychologist // *American Psychologist*. 1991. № 46. P. 409–415.
- Wolf S.* *Freedom and Reason*. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1990.

Примечания

- 1 Мы говорим «в настоящий момент», т.к. не исключаем ту возможность, что в будущем информацию о поведенческих склонностях, изучаемую социальной психологией, можно будет получать без помощи методологического обмана. Например, магниторезонансное отображение мозга могло бы сделать ненужной методологический обман в определенных направлениях исследований.
- 2 Некоторые считают, что просить участников исследований дать информированное согласие не всегда является необходимой мерой, гарантирующей, что их автономия не нарушат. В биоэтической литературе ведутся оживленные споры о связи информированного согласия и уважения принципа автономии, которым мы не можем сейчас уделить внимание. Достаточно сказать, что даже в контексте биомедицинского исследования остается открытым вопрос о необходимости информированного согласия для соблюдения принципа автономии (O'Neill, 2003).
- 3 Некоторые считают, что люди имеют право не знать самих себя, т.к. подобное знание психологически может вызвать стресс (за исключением, конечно, тех случаев, когда люди сами желают и намеренно стремятся получить такое знание). Участники исследований имеют право не быть обманутыми исследователями, которые стремятся вскрыть поведенческие наклонности к дискриминации. Эта точка зрения кажется сомнительной. Рассмотрим следующую аналогию. Знание, что люди являются продуктом процесса биологической эволюции, которая не была спланирована интеллектом и началась 4 миллиона лет назад, могло бы быть психологически крайне угнетающим для человека, считающего, что люди были созданы благим и всемогущим Богом несколько тысячелетий назад. Но несмотря на это, ни одно из прав этого человека не нарушается тем, что его обучают эволюционной теории в школах и университетах и выпускаются популярные книги, кото-

рые представляют доказательства в пользу этой теории. Для многих верующих сама мысль, что они были созданы не Богом, а «слепым» физическим процессом, обезкураживающа. Они могли бы считать, что, если нет никакого Творца, их жизнь не имеет значения. Влияние эволюционной теории на чью-то самооценку может быть даже более значительным, чем влияние психологического эксперимента, выявляющего некоторые бессознательные установки. Конечно, никто не «принужден» читать книги, защищающие эволюционную теорию, в то время как у участника эксперимента может не быть выбора в том, сталкиваться ли ему с непредвиденным самопознанием или нет, если он принимает участие в психологическом эксперименте, включающем определенные формы обмана. Но, в то же время, если эволюционная теория преподается в школе, он не может в действительности избежать знакомства с ней. Эти проблемы очень сложны и сводятся к тому, насколько трудно определить сферу применения заявленного «право на незнание».